

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

Это не кажущаяся нескромность, а самая подлинная, и можно пожалеть читателя, который возьмет в руки эту превосходно изданную, нарядную книжку с золотыми перографическими тиснениями, и поверит «глубине и радости» прозрения автора, которые, на самом деле, есть весьма прозаическая безграмотность, соединенная с уклоном ума, внушающим тревогу и опасения.

Nabent sua fata libelli. Однако, в эти судьбы следует вмешаться хотя бы и на страницах журнала, который вряд ли дойдет до самой переводчицы. Горький пример русского перевода Лао-цзы (Лао-Си, Таб-Те-кинъ влн Писание о Нравственности. Подъ редакціей Л. Н. Толстого. Переводъ съ китайского Д. Конисси. Примѣчанія С. Н. Дурылина. Москва, 1913) учит нас тому, как даже великие читатели предпочитают свое понимание настоящему и отдают себя в руки макулатуре. А книжка *Изабеллы Мирз* может наделать вреда, пожалуй, еще больше, чем русский перевод Лао-цзы, ибо написана английским языком, не внушающим подозрений, и во многих своих частях списана довольно точно с предыдущих грамотных переводов, часть которых она упоминала в конце своего предисловия.

В. Алексеев

— *Reynold A. Nicholson. Studies in Islamic Mysticism. Cambridge, 1921. XII + 282 pag.*

The Kitab al-Luma' fi 'l-tassawwuf of Abu Nasr 'Abdallah B. Ali 'Al-Sarraj Al-Tusi, edited for the first time, with critical notes, abstract of contents, glossary, and indices by Reynold A. Nicholson.

«E. J. W. Gibb Memorial» Series vol. XXII, Leyden & London, 1914, L + 154 + +472 pag.

Отношение европейских ученых к философскому течению Востока по мере большого ознакомления с ними подвергалось чрезвычайным изменениям. От крайнего преклонения перед древней мудростью Востока, от «*Ex oriente lux*» ученые зачастую переходили к совершенно противоположным воззрениям, начинали смотреть на всю философию Востока как на детский лепет человечества, серьезного внимания не заслуживающий. Это, конечно, не могло не отразиться на изучении соответствующей дисциплины и привело в конечном результате к весьма и весьма досадным пробелам в наших познаниях из области востоковедения.

К числу таких мало изученных явлений относится и пантеистическая философия Ислама, течение, известное под названием «суфизма». Мы имеем прекрасные работы серьезных ученых в области философских теорий буддизма, Веданты, джайнизма

и других учений, но, обращаясь к суфизму, должны сказать, что здесь вся работа еще впереди. Все, что сделано, лишь робкие попытки, блуждание впотьмах, наугад. Малая изученность суфизма даже очень почтенных ученых заставляет иногда высказывать мнение, что все это явление настолько темно, настолько запутано и вместе с тем нелепо, что даже и не стоит прилагать особого старания к изучению его, достаточно констатировать факт и только.

Однако, подходя к суфизму ближе, проникая через все препятствия и ограды, поставленные на пути исследователя самими же суфиями, видишь, что это учение далеко не заслуживает такого пренебрежительного отношения. Это действительно философская система, очень стройная и законченная и если она до сих пор не представала в таком виде перед глазами европейских ученых, то вина в этом исключительно на стороне тех источников, которыми приходится пользоваться для ее изучения. Источники стремятся представить ее как можно более сбивчиво, запутанно, зачастую вне всякой логической связи, и проплетает это помимо многих других причин от страха перед ортодоксальным Исламом, мусульманским духовенством, которое преследованьем ересей делало изложение философских учений на переднем Востоке предприятием весьма рискованным.

Стоит приглядеться к суфизму более внимательно, и придется сказать, что он не только не запутан, но только не нелеп, а, напротив, в значительной степени приближается к тем философским теориям, которые выработались в Европе на рубеже XIX и XX веков, учениям Бергсона и Лосского.

К числу неутомимых исследователей суфизма принадлежит профессор персидского языка в Кембриджском Университете д-р Рейнольд Аллеин Никольсон. Почти все ранее вышедшие в свет работы его так или иначе имеют отношение к мусульманской философии. Настоящий труд, являющийся одной из последних его работ, представляет весьма ценный вклад в сокровищницу наших познаний в этой области. Работа эта распадается на три части, ничем между собой не связанные, кроме того, что все они трактуют о представителях мусульманской мистики. Это блестящие монографии, написанные популярно, доступно даже и для лиц, этими вопросами специально не занимающихся, но вместе с тем являющихся очень ценным пособием и для всякого филолога-ориенталиста, изучающего эти дисциплины.

Первую часть книги составляют жизнеописание и характеристика известного персидского мистика старца Абу-Саида ибн-Абу-л-Хейра (967—1049 н. Р. Х.), изложенные по двум изданным проф. В. А.

Жуковским биографиям старца¹⁾. написанным его потомками приблизительно через 100—150 лет после его смерти. Никольсон приводит в систему довольно беспорядочно расположенные материалы старых биографов и дает полную и яркую картину жизни этой интересной личности. Он не стремится отделить историческую правду от *ria graus* поклонников старца: Абу-Саид предстает перед нами таким, каким его рисуют нам источники, ибо для выяснения развития суфизма на персидской почве не столь важен исторический Абу-Саид, сколько та мифическая личность, вокруг которой постепенно сложился целый ореол легенд и сказаний. Автор полагает, что Абу-Саид больше, чем кто-либо другой, придал идеям суфизма ту определенную форму, в которой они дошли до нас в позднейшей мистической философии Ирана.

Вторую часть занимающего нас труда автор посвящает учению о «совершенном человеке» 'Абделькерима ал-Джили (родился 1365/6, умер между 1406—1417 г.г. п. Р. Х.), основываясь на дошедшем до нас трактате этого философа под названием «Инсан ал-камиль фи ма'рифат ал-ауахир уа-л-ауа'иль» (Совершенный человек в познании первых и последних вещей).

Всякий, кому приходилось работать над научными трактатами ученых суфиев, знает, как трудно бывает передать в более или менее удобопонимаемой для широкого круга читателей форме их учения, в виду запутанности изложения и темных оборотов речи; с этой задачей автор справился блестяще и всякий читатель по прочтении этой статьи получит ясное и точное представление о чрезвычайно сложном и абстрактном учении ал-Джили. Идея о совершенном человеке, который, как микроскоп высшего порядка, подобно зеркалу отражает не только силы природы, но и божественные силы, выступает чрезвычайно выпукло и рельефно. Учение о совершенном человеке в суфизме играет весьма большую роль, а так как трактат ал-Джили является одной из наиболее капитальных работ на эту тему, то это и побудило Никольсона изложить теорию «совершенного человека» именно в его освещении.

Весьма ценными приложениями к этой статье являются арабский текст большой мистической поэмы ал-Джили и несколько заметок по поводу книги «Фусус ал-Хикам (Геммы премудростей)» ибн-ал-Араби, одного из наиболее выдающихся представителей суфизма на арабской почве.

Наконец, третья часть посвящена мистическим стихотворениям 'Омара ибн-ал-Фарида (1182—1235 п. Р. Х.), самого яркого представителя мистической поэзии на арабском языке. В противоположность персидской поэзии, сплошь пропитанной мистицизмом, в арабскую поэзию мистицизм проник сравнительно мало. Хотя мистических поэтов среди арабов можно назвать довольно много, но все же их поэзия совершенно другого духа, нежели персидская. Экстатических выкриков, срывов и подыемов, подобно тем, какие мы находим у персидских поэтов в роде Баба Кухи Ширази, 'Аттара и Джебалединна ар-Руми, в арабской поэзии не найти. Здесь преобладает дидактическая нота, поэма является скорее философским трактатом в стихах; этот недостаток поэтизации сюжета зато искупается необычайной технической изощренностью стиха. В смысле техники поэмы ибн-ал-Фарида недостижимы, передать в переводе хотя бы ничтожную долю их стилистических тонкостей совершенно невозможно, тем более в переводе стихотворном. Это сознавал и Никольсон, ибо в статье своей говорит, что стихотворная передача всех поэтических произведений ибн-ал-Фарида в переводе на один из европейских языков являлась бы предприятием, достойным Дон-Кихота. Поэтому он ограничивается переводом в стихах нескольких избранных поэм ибн-ал-Фарида и это, может быть, единственное до известной степени уязвимое место книги. Передать поэмы ибн-ал-Фарида стихами, хотя бы немного приближающимися к совершенству подлинника, мог бы только гениальный выдающийся поэт. Никольсон безусловно прекрасный ученый, но особым поэтическим даром не отличается. О поэзии ибн-ал-Фарида эти переводы представления дать не могут, как вряд ли смог бы дать и перевод, выполненный кем бы то ни было другим. Поэтому, мне кажется, переводчик в данном случае поступил не вполне экономно и напрасно затратил свои силы на такую неблагодарную работу.

Впрочем, это вполне искупается заключающим статью превосходным прозаическим переводом самой большой поэмы ибн-ал-Фарида «ат-Таийат-ал-Кубра» (Большая поэма на рифму «т»), известной также под названием «ал-Хамрийе» (Винная поэма), этой энциклопедии мистических познаний, сравниваемой Никольсоном с творениями Данте. Поэма эта даже в прозаическом переводе, при всем обилии имеющихся на нее комментариев, представляет для переводчика величайшие затруднения в виду множества темных и запутанных мест. Задача переводчика, как и всегда, разрешена блестяще.

Вообще, книга эта заслуживает серьезнейшего внимания со стороны всякого, кто

1) В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. — Толкование на четверостишие Абу-Са'ида. Персидские тексты. С. Петербург. 1899.

Его же. Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхейского. Персидский текст. С. Петербург. 1909.

интересуется мышлением Востока. Все обычные свойства работ Никольсона — чрезвычайная аккуратность и точность, глубина анализа, меткость характеристики — налицо и это заставляет нас от души приветствовать появление этой книги и желать почтенному ее автору продолжения работ в этом направлении.

Говоря об этой книге, я не могу не отметить попутно и второй, несколько более старой, но лишь недавно попавшей в Россию работы того же автора: издания арабского текста «Китаб ал-Лума' (Книга блистаний) Абу Насра ас-Сарраджа (ум. 988 г. Р. Х.), выдающегося деятеля в области суфизма, прозванного биографами «Павлином дервишей» и современника старца Абу-Саида.

Книга эта написана автором ее со специальной целью защитить суфизм от нападок со стороны ортодоксального духовенства и показать, что в суфизме нет ничего противоречащего традициям Пророка. Самая древность ее является доказательством чрезвычайного ее значения для изучения раннего суфизма. Издатель текста поставил себе целью издать, или хотя бы побудить других ученых к изданию всех дошедших до нас материалов, относящихся к этой эпохе. Настоящее издание является дальнейшим шагом в этом направлении. Издание выполнено по двум рукописям Британского Музея. Предназначено оно, конечно, для специалистов, ибо перевода не приложено, но и для лиц, не обладающих необходимой для изучения подлинных источников эрудицией, может явиться весьма ценным пособием, ибо арабскому тексту предшествует весьма обстоятельное изложение содержания, разбитое по главам книги. Чрезвычайно ценным является приложенный к книге глоссарий редких и трудных выражений.

Е. Бертельс

— *The Folk-Literature of Bengal*, by *Rai Sahib Dineschandra Sen, B. A.*, with a Foreword by *W. R. Gourlay*, published by the University of Calcutta 1920 (IX + 362 стр.).

Новый труд по народной бенгальской литературе, написанный индусом-бенгальцем: Динешчандра Сен, которому принадлежит еще несколько больших работ из области бенгальской литературы. В рассматриваемом произведении Динешчандра Сен останавливается почти исключительно на бенгальских сказках; книга его — не исследование по народной литературе Бенгалии, а книга о бенгальских сказках, с которыми европейский читатель может познакомиться по переводам и пересказам Лаль Бехари Дэй, Мак-Каллока и др.

Индийские сказки — литературные книжные и народные, устные — собирались и со-

бираются очень усердно, переводчики и пересказчики снабжают порой свои издания объяснительными примечаниями, делают разные сопоставления с разными сказками других народов, но никогда почти они не подвергались последованию, изучению, которое вышло бы в форму особой монографии. Рассматриваемая книга поэтому приобретает определенный интерес, тем более, что автор ее зарекомендовал себя несколькими хорошими работами, как вполне подготовленный для того, чтобы справиться с поставленной себе задачей.

Динешчандра Сен останавливается прежде всего на сходстве многих индийских сказок с европейскими, пытается объяснить это сходство переселением бенгальских сказок в Европу и наметить пути этой миграции. Затем он переходит к вопросу о древности народных сказок Бенгалии, об их происхождении и распространении. Он рассказывает, — и порой очень увлекательно, — как анализ вскрывает в бенгальских сказках черты индийского средневековья с его буддийской культурой, морской торговлей, значительным и уважаемым купеческим классом, — черты, неизвестные позднейшей Индии. Далее автор обращается к бенгальским мусульманам и выясняет остатки и переживания древних верований и взглядов, которых ислам не мог искоренить; обращается к бенгальским мусульманским сказкам, выясняет их характер, их древние до-исламские черты, сравнивает сказки бенгальских мусульман со сказками бенгальских индуистов. Это самая интересная часть работы Динешчандра Сена.

Затем он разбирает различные виды народных сказок Бенгалии и заканчивает свою книгу передачей большой сказки «Маланчамала».

Таково содержание работы индийского ученого. К предмету своего исследования Д. Сен относится восторженно и, быть может, это слишком восторженное отношение причиняет немалый вред его, в общем, очень интересной книге.

Нельзя не отметить, что Д. Сен на сказки своего родного народа смотрит с узкой точки зрения индуста. Он, например, смело заявляет, что все вольные, не совсем пристойные сцены народных сказок Бенгалии созданы мусульманами; последователь, а тем более последовательница индуизма не способны, будто бы, ввести что-либо оскорбляющее нравственное чувство или просто стыдливость в свои излюбленные сказки: порнография же удел мусульман. «Народные сказки индуистов», — заявляет Д. Сен, — свободны от всякого упрека в этом отношении. «Нескромность принцессы», — отмечает он в другом месте по поводу одной сказки, — встречающейся со своим возлюбленным прежде, чем выйти